

Тень над Хрустальным дворцом

I

Лондон встретил их дождём.

Не тем привычным, мелким дождём степных предгорий, что стелется над ковылём подобно дыханию уставшей земли, — но дождём тяжёлым, чугунным, словно само небо над Темзой было выковано на тех же заводах, что день и ночь чадили по берегам великой реки. Капли стучали по крыше кэба с настойчивостью, присущей лишь английской погоде и английским кредиторам, и Ержан Кунанбаев, молодой инженер из Семипалатинска, невольно поёжился, кутаясь в шинель, купленную ещё в Оренбурге.

— Не дождь тебя должен тревожить, — негромко произнёс сидевший напротив него человек, не отрывая взгляда от окна, за которым проплывали газовые фонари Стрэнда.

Казах — так его звали все, кто знал достаточно, чтобы не спрашивать настоящего имени, и недостаточно, чтобы его получить, — был человеком лет сорока пяти, сухощавым и жилистым, как степной саксаул. Левая рука его покоилась на набалдашнике трости из тёмного дерева, и лишь внимательный наблюдатель заметил бы, что пальцы правой руки никогда не удалялись далеко от пояса, где под сюртуком покоился кривой нож — подарок бухарского дервиша, подаренный за услугу, о которой оба предпочитали не вспоминать.

Казах служил военным разведчиком при Отдельном Сибирском корпусе и повидал на рубежах Империи достаточно, чтобы знать: мир шире, чем полагают профессора Петербургской академии. Ранение, полученное при обстоятельствах, о которых в рапорте значилось лишь «при исполнении особого поручения», завершило его службу, но не его путь. Среди офицеров ходили слухи — впрочем, лишь шёпотом, — что Казах владеет знаниями, которым не учат ни в одном университете, и что раны его были нанесены не пулей и не клинком, а чем-то, для чего военная наука не имела названия.

Теперь же он сопровождал Ержана, чей отец некогда оказал ему немалую услугу, на Великую выставку промышленных работ всех народов, где молодому инженеру предстояло представить своё изобретение — механический вычислитель, способный,

по утверждению его создателя, производить сложнейшие баллистические расчёты с точностью, недоступной человеческому уму.

Кэб остановился у гостиницы на Джермин-стрит. Казах ступил на мокрый тротуар, и тут же замер, прищурившись. Что-то неуловимое коснулось его чувств — не слух и не зрение, но нечто иное, обострённое годами хождения по краю незримого мира. Ощущение напоминало тень, скользнувшую по загривку.

— Ержан, — сказал он, не оборачиваясь. — Машину из повозки забирай сам. В номер её не носи. Пусть стоит в гостиничном хранилище, под замком. И никому не говори, в каком именно ящике она лежит.

Молодой инженер хотел было возразить, но промолчал. Он знал Казах достаточно, чтобы не спорить, когда тот говорил подобным тоном.

II

На следующее утро в гостиницу явился посыльный с визитной карточкой, на которой значилось: «Мистер Р. Кромвелл, Вулшир-Холл, графство Вулшир. Коллекционер и меценат».

Записка, прилагавшаяся к карточке, была написана безупречным почерком и гласила, что мистер Кромвелл, прослышав о прибытии в Лондон замечательных гостей из далёких и загадочных казахских степей, почёл бы за честь пригласить их отужинать в его лондонской резиденции и побеседовать об их чудесном изобретении, о котором уже ходят самые лестные слухи.

Казах повертел карточку в пальцах. Бумага была превосходного качества, тиснение — золотым, а вот запах... Он поднёс карточку к носу. Едва уловимый, сладковатый, с медной нотой. Запах, который любой мясник опознал бы без труда, но которому не место на визитной карточке английского джентльмена.

— Что скажешь? — спросил Ержан.

— Скажу, что ужинать мы к нему не поедем, — ответил Казах. — Но узнать, кто таков мистер Кромвелл, не помешает.

К полудню Казах уже сидел в читальном зале Британского музея, где провёл несколько часов, просматривая подшивки газет графства Вулшир. То, что он нашёл, не утешало: за последние тридцать лет в окрестностях Вулшир-Холла бесследно

пропало не менее дюжины путешественников. Местные списывали исчезновения на болота, но Казах обратил внимание на закономерность — все пропавшие были чужаками, все прибывали по приглашению хозяина поместья, и все исчезали в ночь после визита.

Ещё более любопытной оказалась заметка двадцатилетней давности, в которой корреспондент «Вулширского вестника», ныне тоже бесследно пропавший, описывал мистера Кромвелла как «джентльмена весьма округлой наружности, с румяным, почти идеально шарообразным лицом и улыбкой столь широкой и неизменной, что она производила впечатление не столько радушия, сколько некоего хищного предвкушения».

Казах закрыл подшивку и долго сидел неподвижно, глядя перед собой. Он вспомнил рассказы старого бухарского дервиша о существах, принимающих обличья, невозможные для человеческой плоти, — существах, питающихся не пищей, но самой жизненной силой, и способных веками таиться среди людей, выдавая свою нечеловеческую природу лишь неизменной, застывшей гримасой, которую они полагали улыбкой.

III

На третий день, когда Ержан отправился в Хрустальный дворец для осмотра павильона, где предстояло разместить экспонаты, Казах обнаружил, что за гостиницей наблюдают. Наблюдатель — бледный, истощённый человек с остекленевшим взглядом и двумя характерными отметинами на шее — стоял на углу Джермин-стрит и Сент-Джеймс, не пытаясь скрываться. Когда Казах вышел к нему, тот протянул конверт и исчез в толпе с проворством, несвойственным живому существу.

В конверте лежало второе приглашение, на сей раз написанное уже без светских любезностей: «Привезите машину. Я желаю её видеть. Отказ будет принят как оскорбление, а оскорблений я не прощаю».

Внизу стояла приписка, от которой Казах нахмурился: «Я знаю, кто вы, степной колдун. Ваши фокусы меня не пугают. Мои слуги уже в Хрустальном дворце».

Казах сжёг записку над свечой, надел сюртук, проверил нож на поясе и достал из дорожного сундука небольшой свёрток, обёрнутый верблюжьей кожей. Внутри лежал осиновый кол, вырезанный из дерева, что росло на могиле степного праведника, и серебряная фляга с водой из священного источника Тамгалы.

К вечеру того же дня, расспросив хозяина гостиницы, извозчиков и лавочников — ибо в Лондоне, как и в степи, те, кто стоит у дороги, знают более всех, — Казах составил достаточно ясную картину.

Мистер Кромвелл — если это было его настоящим именем — являлся в Лондон всякий раз, когда Великий город привлекал нечто необычное: чужеземных изобретателей, путешественников с диковинами, учёных с открытиями. Он приглашал их к себе, они принимали приглашение — и более о них никто не слышал. Но в этот раз его привлекло нечто особенное: механический вычислитель Ержана, способный, по слухам, рассчитать и предсказать что угодно. Для существа, веками прячущегося среди людей, подобная машина была и угрозой, и соблазном — ибо что, если она способна вычислить и его самого?

IV

Развязка наступила в ночь перед открытием Выставки.

Казах не стал ждать. Ожидание — привилегия тех, кто охотится на людей; тот же, кто охотится на нелюдь, должен действовать первым. Он отправил Ержана под охраной двух нанятых им отставных гуркхов в Хрустальный дворец, где тот должен был провести ночь при своём экспонате, а сам направился по адресу, указанному на визитной карточке, — в лондонскую резиденцию Кромвелла, располагавшуюся в мрачном доме на Хэлф-Мун-стрит, куда не доставал свет газовых фонарей.

Дверь была не заперта. Это не удивило Казаха — существо ждало его, полагая себя охотником.

Дом внутри оказался обставлен с вызывающей роскошью, но в воздухе стоял всё тот же сладковатый запах, и Казах заметил, что зеркала в прихожей были завешены тканью. Он поднялся по лестнице, освещая путь масляным фонарём, и в гостиной второго этажа нашёл то, что искал.

Мистер Кромвелл сидел в кресле у камина. При свете пламени стало ясно, отчего газетный корреспондент описал его столь причудливо: существо действительно было шарообразным, округлым неестественно и совершенно, словно его тело не подчинялось законам анатомии. Лицо его, румяное и лоснящееся, было рассечено улыбкой от уха до уха — улыбкой неподвижной, застывшей, обнажавшей два ряда мелких и острых, как у речной рыбы, зубов. Глаза, маленькие и круглые, смотрели с тем холодным весельем, в котором не было ничего человеческого.

— А, степной гость, — произнёс Кромвелл голосом, напоминавшим скрип несмазанного колеса. — Я ждал мальчика с машиной, а пришёл старый волк. Впрочем, старая кровь слаще молодой. Садитесь. Выпьете вина?

— Я не пью с мертвецами, — ответил Казах, останавливаясь у порога. Левая рука его сжимала трость, правая — осиновый кол под полкой сюртука.

Кромвелл рассмеялся, и смех его был похож на бульканье воды в закупоренной бутылки.

— Мертвец? Какое грубое слово. Я живу уже четыре столетия, любезный. Я пережил Чуму и Огонь, Реставрацию и Революцию. Я видел, как строили этот город, и увижу, как он падёт. А ваша машина — ваша чудесная машина — поможет мне просчитать, когда именно.

— Машина вычисляет баллистические таблицы, — сказал Казах. — Не судьбы.

— Вздор. Всё на свете — баллистика. Траектория пули и траектория жизни подчиняются одним и тем же законам. Мне нужна эта машина. Отдайте её, и я отпущу вас обоих.

Казах не ответил. Вместо этого он сделал то, чему научился не в казармах и не в университетах, а у кочевых баксы в предгорьях Алтая: он начал говорить — негромко, мерно, на языке столь древнем, что сами слова его были старше городов и империй. Это была не молитва и не заклинание в том смысле, в каком понимают его европейские оккультисты. Это был зов — обращение к тому, что степные народы называли Көк Тәңірі, Вечное Синее Небо, силе, не имеющей ни храмов, ни жрецов, но пронизывающей всё сущее, подобно ветру, пронизывающему ковыль.

Огонь в камине вспыхнул синим.

Кромвелл перестал улыбаться — впервые, быть может, за четыре столетия. Его шарообразное тело дёрнулось в кресле, и он зашипел, обнажив клыки, скрывавшиеся за рядами мелких зубов.

— Прекратите! — взвизгнул он. — Что вы делаете?!

Казах не прекращал. Голос его становился глубже, слова — тяжелее. Воздух в комнате загустел и стал холоден, как степная зимняя ночь, и в этом холоде сладковатый запах, стоявший в доме, начал рассеиваться, уступая место чему-то иному — запаху

чистого ветра и сухой полыни, запаху пространств, где нечисти негде укрыться, ибо над нею от горизонта до горизонта — только небо.

Кромвелл бросился на него.

Существо двигалось с чудовищной быстротой — шар, катящийся с горы, не был бы стремительнее. Но Казах ждал этого.левой рукой он выставил трость, приняв удар на древко, правой — вонзил осиновый кол в то место, где у человека находится сердце, одновременно плеснув из серебряной фляги водой священного источника.

Кромвелл закричал. Крик его не был человеческим — так кричит ветер в печной трубе, так скрежещет железо по стеклу. Тело его, пронзённое колом, начало оседать, терять форму, и Казах с холодным ужасом увидел, как четырёхсотлетняя плоть обращается в то, чем была всё это время, — в прах и тлен, в горсть бурой пыли, рассыпавшейся по персидскому ковру.

Улыбка исчезла последней.

V

Наутро, первого мая тысяча восемьсот пятьдесят первого года, Её Величество королева Виктория торжественно открыла Великую выставку. Хрустальный дворец сиял в лучах неожиданно ясного солнца, толпы заполнили Гайд-парк, и оркестр играл Генделя.

Ержан Кунанбаев стоял у своего экспоната — механического вычислителя в корпусе полированной бронзы — и с горящими глазами объяснял заинтересовавшимся посетителям принцип его действия. Несколько английских инженеров уже попросили о встрече, а представитель Адмиралтейства сделал пометку в записной книжке.

Казах стоял поодаль, опираясь на трость. Левое плечо ныло — существо оказалось сильнее, чем он предполагал, и на груди его красовался синяк размером с блюдо. Но он был доволен, насколько вообще мог быть доволен человек его склада.

К нему подошёл инспектор Скотланд-Ярда — плотный, усатый джентльмен по фамилии Хардинг, — с которым Казах имел беседу прошлым вечером.

— Мы осмотрели дом на Хэлф-Мун-стрит, — сказал инспектор, понизив голос. — Нашли в подвале... вещи. Принадлежности пропавших. Много. Дело закроем

как серию убийств. Убийца — некий Кромвелл — скрылся. — Он помолчал. — Вы ведь не станете рассказывать мне, что произошло на самом деле?

— Не стану, инспектор, — ответил Казах.

— И я не стану спрашивать, — кивнул Хардинг. — Но если вам когда-нибудь понадобится помощь Ярда, пока вы в Лондоне...

— Благодарю.

Инспектор ушёл. Казах повернулся к Хрустальному дворцу, этому храму прогресса и разума, стеклянному чуду нового века, и подумал о том, что под его сводами собрались изобретения, призванные сделать мир понятным и предсказуемым. Паровые машины, телеграфы, механические вычислители — все они обещали будущее, в котором тьме не останется места.

Но Казах знал то, чего не знали изобретатели и инженеры: тьма не боится прогресса. Она лишь учится прятаться лучше.

Он поправил трость, окинул взглядом сияющую громаду дворца и медленно пошёл к выходу. В кармане его сюртука лежала визитная карточка мистера Кромвелла — единственное, что осталось от существа, четыре столетия терзавшего этот город. Казах намеревался сжечь её сегодня вечером, вместе с осиновой щепой и остатками воды из фляги, — завершить обряд, как учил бухарский дервиш.

Но сперва — он позволил себе тень улыбки — сперва нужно было убедиться, что Ержан не забыл пообедать. Молодые изобретатели, увлечённые своими машинами, имели обыкновение забывать о подобных пустяках, а до степей отсюда далеко, и некому будет пожуричь мальчика за пустой желудок.

Лондонское солнце, столь редкое и оттого столь драгоценное, освещало Казаху путь. Он шёл, прихрамывая, и трость его мерно стучала по мостовой — негромко и ровно, как биение старого, усталого, но верного сердца.

Лондон, 1851 год.

Записано со слов очевидца и дополнено по материалам архива Скотланд-Ярда.

Дело № 7734-V, гриф «Особое». Не подлежит оглашению.